

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/80/24

Накануне катастрофы: Церковь и власть в последние годы императорской России. Рец. на кн.: Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. ст. / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Rogozного. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. (Эпоха войн и революций; вып. 12).

Александр Сергеевич Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.puchenkov@spbu.ru

Аннотация. Дается высокая оценка сборнику статей американского историка Г. Фриза, который полностью посвящен различным вопросам церковно-государственных отношений в последние десятилетия существования Российской империи и в годы Гражданской войны. Отмечен огромный вклад Г. Фриза в исследование данной проблематики. Рассмотрены и проанализированы изменения, происходившие внутри Церкви и повлиявшие на ее позиции в отношениях с центральной властью и другими сословиями российского общества. Показано, что кризис церковной жизни особенно остро проявил себя в первые годы после крушения монархии в России.

Ключевые слова: православие, Российская империя, Гражданская война, религиозный фактор, Г. Фриз, рецензия

Благодарности: Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

Для цитирования: Пученков А.С. Накануне катастрофы: Церковь и власть в последние годы императорской России. Рец. на кн.: Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. ст. / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Rogozного. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. (Эпоха войн и революций; вып. 12) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 210–219. doi: 10.17223/19988613/80/24

Original article

On the Eve of the Catastrophe: Church and Power in the Last Years of Imperial Russia. Review on the book: Freeze G. "Destructive Piety": The Russian Church and the Fall of the Empire: Collection of Articles / Gregory Freeze; tr. from English A. Glebovskaya, M. Dolbilova; ed. P. Rogozny. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2019. 352 p. (The era of wars and revolutions; issue 12)

Alexander S. Puchenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, a.puchenkov@spbu.ru

Abstract. The article gives a high assessment to the collection of articles by the American historian G. Freeze, which is completely devoted to various issues of church-state relations in the last decades of the existence of the Russian Empire during the Civil War. The purpose of the article is to critically analyze the works of G. Freeze and, on the basis of the concepts proposed by him, try to characterize the role of the Orthodox clergy in the events of the Russian Revolution and fratricidal confrontation. The huge contribution of G. Freeze to the study of this issue is noted. In fact, the American professor became a pioneer in working with archival documents on Russian church history of the synodal period, and his views on the history of the Russian Orthodox Church became a noticeable phenomenon in historiography. It is noted that G. Freeze acted as a kind of revisionist of the concept of the Church as a "servant of the monarchy", which was funda-

mental for Russian historical science in the first decades of Soviet power, and was also actively used in the works of R. Pipes. G. Freeze in his articles consistently defends the thesis of the independence of the Church, of its special place in the imperial structure, which has allowed for a certain independence in defending its positions. This is proved, among other things, by the examples of several canonizations of saints during the reign of Nicholas II, when the will of the secular authorities not only caused a heated public discussion, but also met with sharp opposition in hierarchal circles. The review examines and analyzes the changes that took place within the Church and influenced its position in relations with the central government and with other classes of Russian society. It is shown that the crisis of church life manifested itself especially sharply in the first years after the collapse of the monarchy in Russia. This, in particular, manifested itself in open speeches by ordinary clergy against bishops, in the democratization of parish life, and in discussions about the participation of the clergy in divorce proceedings. The ideas expressed in G. Freeze's articles are compared with data taken from the works of leading experts in the history of the Church and social and political life (N.N. Smirnov, S.L. Firsov etc.). The main conclusion that the researcher comes to can be formulated as follows: due to the peculiarities of the policy of the Russian monarchy in relation to the Church and the clergy, and also due to complex processes directly in the spiritual environment, by 1917 the clergy were no longer a political ally of the monarchical forces, and therefore in some cases welcomed the revolution. The change in the political system in Russia to a large extent contributed to drastic changes in parish life, in particular, to the weakening of the power of bishops in the regions.

Keywords: Orthodoxy, Russian Empire, Civil War, religious factor, G. Freeze, review

Acknowledgments: The material was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project 21-18-00266, "The Religious Factor in Russia during the Civil War: Phenomenon, Significance and Regional Specificity".

For citation: Puchenkov, A.S. (2022) On the Eve of the Catastrophe: Church and Power in the Last Years of Imperial Russia. Review on the book: Freeze G. "Destructive Piety": The Russian Church and the Fall of the Empire: Collection of Articles / Gregory Freeze; tr. from English A. Glebovskaya, M. Dolbilova; ed. P. Rogozny. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2019. 352 p. (The era of wars and revolutions; issue 12). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 210–219. doi: 10.17223/19988613/80/24

Несколько лет назад в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге вышла книга крупнейшего знатока истории Российской Православной Церкви синодального периода профессора Брандейского университета Грегори Фриза, первые серьезные работы которого по избранной проблематике были опубликованы около полувека назад. Научное сообщество историков прекрасно знает об исследованиях Г. Фриза: его работоспособность, историографическая эрудиция и глубокое знакомство с архивным материалом давно уже вошли в поговорку – ученый обладает большим научным авторитетом и признанным уважением вот уже у нескольких поколений историков как в нашей стране, так и за рубежом.

Еще в начале 1970-х гг. Г. Фриз побывал в Советском Союзе; в то время в рамках программы научных обменов между СССР и США некоторые американские исследователи получили возможность заниматься в советских архивах и библиотеках сроком от 9 до 12 месяцев. Г. Фриз был стажером ЛГУ им. А.А. Жданова, научным куратором его командировки был известный ленинградский историк Н.Г. Сладкевич. Не менее плотно молодой историк контактировал с Б.В. Ананьичем, Р.Ш. Ганелиным и Б.Н. Мироновым, помощь которых позволила ему получить доступ к материалам ведущего архива по истории Российской православной церкви синодального периода – ЦГИА СССР (ныне – РГИА) [1, С. 241–246]. «Такие поездки на год с научной целью позволили проводить серьезные, оригинальные исследования с использованием архивных документов, и это означало революцию в русистике... Такого рода исследования были бы немыслимы и эмпирически невозможны без доступа к советским архивным коллекциям... Доступ к архивам сделал возможными подобные исследования: я смог не только использовать огромный

корпус печатных источников (многие из которых не были доступны в библиотеках США), но также собрать статистические данные, петиции, судебные иски, отчеты и многие другие документы, которые дореволюционные журналы считали слишком объемистыми или слишком маргинальными для публикации», – вспоминает Г. Фриз [Там же. С. 244–245].

Особую роль в опеке иностранных стажеров играл выдающийся историк П.А. Зайончковский. Общение с американцами было в то время занятием небезопасным, многие советские историки относились к беседам с иностранными коллегами с очевидной настороженностью, но Зайончковский был исключением. «В своем общении с иностранцами он не признавал многих из тех ограничений, которые были обязательными. Он считал, что отношения с учениками требуют определенной степени близости, эти отношения имели для него особенное, личное значение. Этим он также отличался от большинства коллег, которые даже учебные консультации иностранцам обставляли таким образом, чтобы не оставаться с ними наедине. Н.Г. Сладкевич, руководивший американцем, был вызван однажды в партком ЛГУ, где к нему обратились с просьбой встречаться с тем хотя бы изредка», – вспоминал непревзойденный мастер устного рассказа, известный ученый Р.Ш. Ганелин [2. С. 165; 3. С. 227]. «Петр Андреевич установил порядок, при котором Леонид (Л.В. Беловинский. – А.П.) и я приходили каждую неделю к нему домой (не в университет, как это было вообще-то принято, особенно когда речь шла об иностранцах) – якобы для отчетов о ходе наших исследований, но на самом деле также и для того, чтобы поболтать и выслушать его размышления. Когда он говорил о чем-то особо тайном ("между нами"), он вытаскивал телефонный шнур из стены и заговорщицки

шептал. Это было действительно нечто особенное – он приглашал нас жестом пойти за ним на улицу, даже в самую холодную зимнюю погоду, и продолжал разговор, пока мы шли вокруг многоэтажного здания, в котором находилась его квартира», – вспоминает впервые приехавший в Советский Союз по обмену 15 августа 1968 г. – за неделю до ввода войск Организации Варшавского Договора в Чехословакию – канадский историк Н. Перейра [3. С. 227].

Благодаря своему положению иностранного гражданина, а также связанной с этим – безусловно, большей, чем существовала у советского историка, – свободой выбора темы для исследований, трудолюбивый и одаренный Г. Фриз еще в 1970–1980-е гг. «застолбил» за собой статус ведущего специалиста и в какой-то мере первопроходца в изучении целого ряда проблем, связанных с историей Православной Церкви синодального периода. Преодолевая нередко возникавшие весьма значительные затруднения сугубо бюрократического толка, связанные с допуском к архивным документам, Г. Фриз еще в советское время сумел познакомиться и ввести в научный оборот огромный пласт материалов, извлеченных им из хранилищ Москвы, Ленинграда, Киева, Твери (Калинина) и Владимира. Своей темой Г. Фриз избрал социальную историю приходского духовенства XVIII – начала XX в. [4. С. 11]. Обе его монографии о положении русского духовенства, вышедшие в 1977 и 1983 гг., и поныне считаются классическими [5, 6].

Фактически благодаря работам Г. Фриза тема, находившаяся на периферии зарубежных исследований по русистике, постепенно оформилась в самостоятельное научное направление, его заслуги на ниве изучения отечественной истории высоко оценены в нашей стране; еще в 1987 г. крупный ученый Б.Н. Мионов, указывая на некоторые недостатки работ американского ученого, все же счел необходимым признать, что «по богатству материала о белом духовенстве, церковных реформах, взаимоотношениях церкви и государства в России XVIII–XIX вв. книгам Фриза нет равных в современной зарубежной исторической литературе» [7. С. 158].

Между тем большая часть работ Г. Фриза (особенно прискорбно это в отношении монографий американского исследователя) так и не была переведена на русский язык; его серьезные и важные для развития историографии проблемы статьи также были до последнего момента доступны лишь в оригинале. Существующий недочет был исправлен в 2019 г. усилиями горячих энтузиастов проблемы, среди которых выделялся петербургский историк П.Г. Rogoznyy, взявший на себя труд по составлению книги, подготовке к ней предисловия и научных комментариев. Поистине, можно утверждать, что без подлинного подвижничества Павла Геннадьевича книга не увидела бы свет: его заслугу в подготовке этой работы трудно переоценить.

«Губительное благочестие» – это не монография в классическом смысле, а сборник избранных статей американского исследователя, дающих наглядное представление о его исследовательском почерке. Все эти статьи объединены общей исследовательской концеп-

цией; как следствие, читатель книги Г. Фриза знакомится с цельной и завершенной работой, посвященной одной теме – положению Церкви и представителей православного духовенства в императорской России в эпоху последних царствований. По сути, перед нами – результаты важнейших наработок историка за всю его долгую жизнь в науке.

По понятным причинам изучение истории Российской Православной Церкви не относилось к излюбленным темам советской историографии; выходявшие в свет работы преимущественно находились на стыке между воинственно-атеистической «наукой» и пропагандой; начиная свой путь в науке, Г. Фриз был вынужден идти наощупь, не имея «опорных» монографий, подготовленных его современниками; наиболее серьезные работы по истории Церкви в XIX–XX вв. вышли еще до революции, – тем значимее выглядят его заслуги в изучении проблемы.

В предисловии к русскому изданию Г. Фриз объяснил причину своего обращения к истории Российской Православной Церкви: «Не секрет, что после революции 1917 г. историки – и в России, и на Западе – долго не обращали внимания на историю Российской Православной Церкви. Вплоть до конца XX в. исследователи досконально изучали государство и чиновников, разные социальные группы, светскую культуру, а Церковь и ее верующих едва упоминали, как будто последние были недостойны внимания и не играли никакой роли»; только в постсоветский период, констатирует исследователь, «историки начали заполнять этот пробел, но лакун здесь остается очень много до сих пор». «Данный сборник статей, – поясняет задачу опубликования книги Г. Фриза, – это попытка сделать небольшой вклад в изучение истории Российской Православной Церкви, духовенства и верующих в конце старого режима и в начале нового» (С. 5).

Рецензируемая книга состоит из восьми статей, каждая из которых имеет самостоятельное исследовательское значение. Первая из них – «Служанка государства? Переоценка роли Церкви в императорской России» – была опубликована Г. Фризом в 1985 г. Статья эта – не просто первая по порядку в монографии, но и, вне всякого сомнения, по значению. Подобной точки зрения придерживается и П.Г. Rogoznyy, посчитавший необходимым сопроводить «Служанку государства» своеобразной статьей-ответом, или, по определению Павла Геннадьевича, историографическим комментарием, предваряя который, петербургский историк счел необходимым признать исключительную важность и концептуальность работы американского исследователя, написавшего «замечательную статью». (С. 45–46). Принципиально также и утверждение П.Г. Rogoznyy, по мнению которого, «...до сих пор ничего более концептуального и превосходящего Фриза по знанию источников, а также и исторической литературы, относящейся к синодальному периоду истории Церкви, не предложено» (С. 54).

Оценки П.Г. Rogoznyy и Г. Фриза, как правило, совпадают: так, в первой статье рецензируемого издания Г. Фриз констатировал слабую изученность истории Российской Православной Церкви синодального

периода, отметив, что «недостаточность эта существовала и до падения старого режима в 1917 г.: дореволюционная церковная историография не отличалась ни разнообразием, ни глубиной и существовала по большей части из близоруких епархиальных хроник, часто малограмотных трудов провинциальных семинарий или агиографических восхвалений в адрес какого-нибудь видного духовного лица» (С. 17). Историк отметил, что с удивительным единодушием представители самых разных взглядов: «католики-полемисты, православные славянофилы, интеллигенты-антиклерикалы и сторонники реформ из числа священнослужителей – все, хотя из разных побуждений и по разным причинам, сходились в том, что Церковь превратилась в безгласное оружие в руках светского государства» (С. 17–18). По мнению Фриза, этот тезис, уже давно утвердившийся в историографии, «подлежит радикальному пересмотру», а «самостоятельность Синода значительно разнилась при разных правителях и... Церковь никогда не являлась – ни в законодательном, ни в практическом, ни в духовном смысле – всего лишь министерством по делам религий» (С. 20). В контексте данного утверждения достойна упоминания позиция автора крупнейших обобщающих работ по истории Церкви XIX–XX вв. петербургского историка С.Л. Фирсова, по утверждению которого «Святейший Синод со дня своего образования стал орудием политической воли светской власти, в XIX столетии окончательно превратившись в исполнителя решений государства» [8. С. 37]. По словам С.Л. Фирсова, «Синод напоминал канцелярское учреждение, в котором решались большей частью бракоразводные вопросы» [Там же].

В исторической науке принято считать, что едва ли не наиболее характерной эпохой в рамках подобных неравноправных отношений Церкви и государства была эпоха Николая I. Незабвенный, как называла его дореволюционная историография, Николай Павлович, склонный во всем к единообразию, стремился подвести и под Церковь, и под управление ею определенный бюрократический фундамент. Как следствие, характерные для времени Николая I общая централизация и бюрократизация всех звеньев управления затронули и Церковь. В результате, как отметил автор фундаментальной биографии Николая I петербургский историк Л.В. Выходцев, «Святейший Синод с 30-х гг. [XIX в.] все больше превращался в подобие гражданского министерства», а обер-прокурору с 1835 г. было предписано присутствовать на заседании Государственного совета и Комитета министров [9. С. 276]. С.Л. Фирсов, посвятивший отношения Православной Церкви и Российского государства в эпоху Николая I свою недавнюю книгу, предлагает рассматривать уникальную по-своему личность Николая Павловича в рамках восприятия царем своих полномочий как «Верховного ктитора», «считавшего не только возможным, но и необходимым лично участвовать в церковном управлении, определяя политику ведомства православного исповедания и по своему усмотрению назначая синодальных обер-прокуроров» [10. С. 12–13]. Согласно суждению С.Л. Фирсова, царь видел в Церкви в первую

очередь институт по воспитанию добропорядочных подданных, а обер-прокуратура Святейшего Синода должна была играть не столько *контролирующую*, сколько *координирующую* общеимперскую церковную роль [Там же. С. 79]. В этой ситуации обер-прокурор не был и не мог быть лицом, самостоятельно определявшим стратегию государственного отношения к православию. Он должен был, по мнению историка, четко следить за беспрекословным исполнением синодалами самодержавной воли в делах, касавшихся Православной Российской Церкви, на которую, как и на любую государственную институцию, в эпоху Николая I распространялись принципы охранительной идеологии» [Там же. С. 254]. Обобщая сказанное, С.Л. Фирсов отметил, что Николай Павлович не привык разделять понятия «государь» и «государство», видя в Православной Церкви в первую очередь «*религиозную часть государства*» [Там же. С. 74].

Риском предположить, что подобные взгляды разделялись и преемниками Николая I на древнем троне Романовых. Радикально положение как Церкви, так и Святейшего Синода не изменилось и в пореформенную эпоху: то уникальное влияние, авторитет и поистине безграничное доверие, которыми обладал обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев у Александра III в первые годы его правления и которым, по словам А.Ю. Полунова, «трудно было подобрать аналог в истории самодержавия» [11. С. 145], не оказали никакого воздействия на синодальную систему, основы которой Победоносцев продолжил защищать после своего назначения обер-прокурором в 1880 г. Напомним также, что К.П. Победоносцев сыграл важную роль и в воспитании Николая II, убедив своего ученика в том, что неограниченное самодержавие есть безусловное благо для России [12. С. 103]. Итак, современная российская историография придерживается той позиции, что к середине XIX в. процесс «встраивания» Церкви в здание самодержавия был благополучно завершен; отношения Церкви и государства регулировались благодаря окончательно сложившейся синодальной системе.

В свою очередь, Г. Фриз утверждает, что попытки светского государства, «особенно в определенные периоды XIX столетия... интегрировать и инкорпорировать» Церковь привели к провалу, объяснения которому можно найти в «особой архитектуре церковного уклада, созданного Петром I», а также в размежевании «епископальной элиты и приходского духовенства на отдельные общественные группы». К началу XX в. в Церкви возникло огромное количество «динамичных реформаторских течений – епархиальной соборности, обновленчества, радикального христианского социализма; они не были случайным, чуждым общей церковной идее откликом на революционный кризис в современном обществе, а, скорее, знаменовали собой кульминацию процессов, которые шли внутри Церкви уже давно» (С. 20).

Г. Фриз убежден в том, что «Церковь до самого 1917 г. не утратила своего особого статуса: статуса института, параллельного государственному аппарату, но не включенного в него. Хотя политическое влияние Церкви, равно как и сфера, на которую распространял-

ся ее авторитет, в XVIII и XIX вв. последовательно сокращалось, она сохраняла свою основную структурную автономию особого “религиозного” института... Церковь играла роль своего рода параллельной структуры, многие ее органы, по сути, дублировали деятельность государственных институтов, тем самым отделяя ее от них» (С. 26–27). Вне всякого сомнения, власть стремилась держать религию в рамках ее собственной ниши и ограничивать участие Церкви в светских делах; «светские обязанности и возможности Церкви были существенно сокращены», – отмечает автор, предлагая воспринимать этот процесс не как «секуляризацию Церкви», а как «мобилизацию духовности», под чем он понимает «систематическое, целенаправленное отстранение Церкви от всех светских дел и сосредоточение ее деятельности на делах чисто “духовных”» (С. 27–28). Логичным выглядит обращение Г. Фриза к анализу деятельности лиц, занимавших должности обер-прокурора в XIX – начале XX столетия, уже по самой своей должности выполнявших функции «светских надзирателей» над Церковью и напрямую назначаемых императором. Признавая, что «прокурор, безусловно, мог влиять на решения Синода, особенно в тех случаях, когда был облечен монаршей поддержкой», ученый все же призывает не видеть в обер-прокурах неких всесильных распорядителей судьбами Церкви как таковой, напротив, исследователь убежден в переоценке авторитета и роли этих чиновников в повседневном церковном администрировании, принятом в традиционной историографии (С. 28). По утверждению Г. Фриза, «структурно и организационно Синод был отделен от государственного аппарата, он сохранял значительную управленческую автономию, а главное – способность отстаивать духовные интересы, действовать скорее как отдельная группа влияния, чем просто как один из департаментов государственной бюрократической машины» (С. 31). «При том что епископы хранили верность императору, это не мешало им протестовать против государственной политики и отстаивать интересы Церкви даже перед лицом давления со стороны государства и монаршей воли. Решимость их отчетливее всего видна в вопросах о традиционных прерогативах Церкви, которые епископы защищали не только в собственных интересах, но и ради сохранения обрядов и канона, ради защиты Церкви от нападков на русское православие как “государственную церковь”», – мотивирует свою позицию исследователь (С. 31), убежденный в том, что к моменту падения монархии очевидным образом прослеживается несовпадение между интересами Церкви и интересами государства, «а также выделение духовенства в отдельные, самостоятельные общественные группы», а значит, «Российская православная церковь не была служанкой государства ни в 1905, ни тем более в 1917 г.» (С. 44). Напротив, по высказанному автором предположению, «ни в 1905, ни в 1917 г. Церковь не выступила в качестве оплота самодержавия, хотя власти на это рассчитывали и требовали» (С. 43). В своей статье Г. Фриз подвергает ожесточенной критике позицию недавно ушедшего из жизни американского историка Р. Пайпса, многие

работы которого пестрят неточностями, а подчас и прямыми ошибками. Известно, что Р. Пайпс отстаивал тезис о последовательной поддержке Церковью самодержавия во всех вопросах, даже ущемлявших права духовного сословия. Такая оценка удивительным образом сближала западную русистику с советской атеистической пропагандой. Порицая Р. Пайпса за излишнюю категоричность, Г. Фриз полагал, что его тезис о Церкви как «служанке государства» «подлежит радикальному пересмотру» (С. 18–19).

Итак, если мы признаем серьезность аргументации Г. Фриза, то представление о Церкви накануне Февраля 1917 г. как о монолитном и абсолютно лояльном самодержавию институте, который, лишившись государственного покровительства, рухнул едва ли не в одночасье, до последнего защищая монархические идеалы, следует по меньшей мере подвергнуть сомнению. Скорее, более логичным в этой связи выглядит суждение о православном духовенстве как о сословной общности, находившейся в последние годы Империи, подобно, например, дворянству, в глубоком кризисе, связанном с очевидной неудачностью попыток выйти из мировоззренческого тупика и ярко выраженным неприятием той системы ценностей, которую явил миру наступивший XX век.

Вторая статья Г. Фриза, отобранная для публикации в рецензируемой книге, «Церковь и политика на закате императорской России: кризис и радикализация православного духовенства», впервые была опубликована в 1999 г. Примечательно наблюдение Фриза, обратившего внимание на поразительную симфонию взглядов советской и западной историографии, неизменно ставившей «знак равенства между Церковью, духовенством, религией, с одной стороны, и реакционным монархизмом – с другой» (С. 55). Между тем, полагает автор, «к 1917 г. русское духовенство – даже самые высокопоставленные и “реакционные” архиереи – полностью разочаровалось в режиме, не способном ни к реформам, ни к репрессиям, а способном только разлагать элиту и предавать жизненно важные интересы Церкви. Когда в 1917 г. режим этот наконец соскользнул в пропасть революции, – даже самые консервативные архиереи, члены Синода, не поспешили подняться на его защиту», более того, в 1917 г. Церковь и духовенство, пишет ученый, «яростно отмежевывались от царизма». Следовательно, к Февралю «Церковь не могла и не хотела оставаться “столпом старого режима”» (С. 58).

Предметом своего анализа Г. Фриз избрал российский епископат, состав и мировоззрение которого к началу XX в. претерпели значительные изменения, хотя многие из его представителей и продолжали придерживаться крайне консервативных взглядов. Вместе с тем, убежден историк, «в канун 1905 г., еще до “распутинщины”, среди церковных иерархов росли недоверие и подозрительность в отношении к политике и власти самодержца и влиятельных сановников», при этом «чувства епископов оскорбляло не только обезличенное духовенство, но и сам государь император» (С. 60–61). Революция 1905–1907 гг. оживила надежды Церкви на возможность проведения давно ожидав-

шихся реформ, созыв Поместного собора и ослабление власти обер-прокурора Святейшего синода [12. С. 245]. Своими воззваниями церковные иерархи пытались смирять страсти и противодействовать насилию, однако не всегда поддерживали действия власти по усмирению революционных событий, в частности выступая против необоснованных арестов среди приходского духовенства. Ученый правомерно обращает внимание на историческое значение манифеста о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.: «Этот закон стал важнейшей вехой в истории отношений Церкви и государства... Манифест этот стал крупной уступкой религиозным меньшинствам и, по сути, открыл двери для беспрепятственного выхода из лона православия (до сих пор это трактовалось как “ересь” и было категорически воспрещено). Манифест от 17 апреля, – заключает историк, – стал для Церкви своего рода “церковным кровавым воскресеньем”, бесцеремонным односторонним нарушением “общественного договора” с самодержавием. Церковь и без того ощущала угрозу со стороны других конфессий (прежде всего старообрядчества и сектанства), а манифест открыл дорогу массовому переходу в другую веру – иудаизм, ислам, протестантство и в особенности в католицизм», – вне всякого сомнения опубликование этого манифеста спровоцировало выдвижение Святейшим Синодом уже собственных настоятельных требований реформ (С. 64). «Предложения о проведении реформ, – пишет Г. Фриз, – звучали уже на протяжении десятилетий, но теперь стало очевидно, что перемены необходимы как никогда – в противном случае Церкви не выстоять в соперничестве с другими конфессиями»; император Николай II, хотя и отказал в просьбе о созыве Поместного Собора, ссылаясь на «нынешние обстоятельства», однако разрешил создать Предсоборное присутствие для изучения отдельных вопросов – и таким образом подготовиться к Поместному собору (С. 64–65).

По мнению автора, в «межреволюционные годы» Церковь «постепенно отмежевывалась от государства; кульминацией этого процесса стал отказ епископата поддержать монархию в критический момент февраля 1917 г. Большинство архиереев оставались консерваторами, однако они все более отдалялись от нового режима “думской монархии”». Отстаивая свои привилегии и интересы – сословные и общецерковные, – Церковь не желала мириться с попытками Государственной Думы вмешиваться в чисто религиозные дела, последовательно разочаровываясь едва ли не во всех без исключения политических партиях, работавших в парламенте, при этом, утверждает автор, «отчуждение епископов от Думы и правительства сопровождалось и нарастающим отчуждением от монархии», вызванным в том числе и чередой скандалов, связанных с именем Г.Е. Распутина, оказывавшего большое влияние «на политику в отношении Церкви и на церковные назначения»; «Старец», в свою очередь, также относился к церковным иерархам с сильнейшей неприязнью (С. 66–69).

Центральный вывод статьи Г. Фриза сформулирован предельно точно: «...в последние годы царского правления не только радикально настроенные священ-

ники, но и самые консервативные архиереи испытывали острое недовольство самодержавием», а епископат в 1905–1917 гг. проделал эволюцию от монархистов до фрондеров. Под стать епископату было и приходское духовенство, в среде которого можно было встретить значительное количество и радикалов, и либералов, и умеренных: священнослужители, как и вся Россия, находились в стадии турбулентности и не были единой «церковной партией», как этого, быть может, и желала власть; последняя же отказывала Церкви в немедленном созыве Поместного собора, тем самым откладывая реформу Церкви на неопределенный срок и порождая путь в тупик и своего рода «застой» в церковной жизни, более всего выражавшийся в несовпадении официальной идеологии, транслируемой высшими церковными иерархами и не всегда разделяемой даже ими, и побуждениями наиболее радикальных представителей из среды рядового духовенства, – уже одно это наглядно иллюстрирует глубокий кризис, переживаемый российским государством и его важнейшей составляющей – Церковью. При чтении исследования Г. Фриза порой возникает впечатление, что власть прилагала поистине нечеловеческие усилия к тому, чтобы создать питательную среду для конфликтов с Церковью.

Исходя из этого, нельзя не согласиться с Г. Фризом, убежденным в том, что «ухудшение отношений между режимом и религией, способность обоих торпедировать реформы – все это служит подтверждением, что для “пессимистического” взгляда на долгосрочные перспективы царского режима были все основания, причем еще до того, как катастрофа на полях войны нанесла смертельный удар по самодержавию» (С. 89).

Третья статья – «Вся власть приходам? Проблемы церковной реформы в пореформенной России», впервые опубликованная в 2001 г., посвящена одному из насущнейших вопросов жизни Церкви в предреволюционные годы – вопросу о реформировании прихода – «основного ядра Церкви, которое одолевала многочисленные проблемы и сложности» (С. 90). Несмотря на очевидную важность этой проблемы, «приходской вопрос» почти не рассматривался в научной литературе, между тем к концу XIX в. многие современники – не только правительственные чиновники, образованные миряне, но и часть священнослужителей – пришли к убеждению, что возрождение православия во многом зависит от возрождения прихода. Как следствие, реформа прихода, по оценке Фриза, «была важнейшей составной частью попытки возродить православие и удержать верующих от секуляризации и обращения к другим конфессиям» (С. 91) К этому времени конфликт во взаимоотношениях между духовенством и рядовыми верующими уже ни для кого не был секретом; нет оснований говорить и о монолитности духовенства как такового. Архиерейская элита более всего опасалась радикальной демократизации и расширения полномочий мирян; при этом у немалой части духовенства не меньшие опасения вызывало и возможное расширение полномочий прихода. В итоге, как это нередко бывает в России, давно назревшая и

выстраданная реформа так и не состоялась; окончательно переход власти к приходу произошел уже при большевиках. «В фундаментальном смысле, – заключает Г. Фриз, – только Октябрьская революция – по факту, не по замыслу, – позволила завершить революцию в приходе, которая тянулась с середины XIX в. Эта длинная цепочка причин и следствий объясняет – в этом случае, как и во многих других, – почему большевистский режим, такой слабый и ненадежный в первые его годы, смог устоять: его спасло не только использование силы и репрессий, но – причем даже в большей степени – приспособленческие уступки народным чаяниям» (С. 131).

Таинство брака традиционно относилось к одной из важнейших прерогатив Церкви. Семья, превозносимая в России XIX в. как один из столбов социальной и политической стабильности, в последние десятилетия Империи также стала, по мнению ученого, разрушаться. Как следствие, «брачный вопрос» стал проникать в официальный и публичный дискурс; консервативный образ Церкви в сознании мирян зачастую ассоциировался с теми препятствиями, которые она чинила бракоразводному процессу. Этой проблематике посвящена четвертая статья сборника статей Г. Фриза «Мирские нарративы о священном таинстве: брак и развод в позднеимперской России», впервые опубликованная в 2007 г.

Ознакомившись с материалами большого количества бракоразводных дел, рассматриваемых в целом ряде епархий, Г. Фриз пришел к выводу, что «спорные бракоразводные дела продвигались черепашью шагом, затягивались на целые годы и нередко оканчивались без определенного решения» (С. 175), что, естественно, вызывало острейшее недовольство истцов, представлявших самые разные слои российского общества. В результате, по справедливому суждению исследователя, «вопрос о разводе сыграл важную роль не только в формировании публичного дискурса о Церкви, но и в нагнетании народного недовольства самой Церковью» (С. 179). Предельно упрощенная процедура заключения и расторжения брака, существовавшая в первые годы Советской власти, выгодно контрастировала с явно пережившим свой век «классическим» браком, скрепленным санкцией Церкви, на поддержку которой опирался и закон, делая предельно сложной, а временами и едва ли невозможной, процедуру его расторжения. Именно позиция Церкви в вопросах брака и развода создавала ее ультраконсервативный имидж. В связи с этим Церковь в глазах общества выглядела как архаический институт, вопреки здравому смыслу продолжавший цементировать союзы людей, обоюдно желающих избавиться от брачных уз. Об этом на рубеже веков писал Лев Толстой, об этом говорили и писали представители самых разных сословий, убежденные в необходимости изъять вопросы семьи и брака из ведения Церкви.

Согласно интересному наблюдению Г. Фриза, вопрос о разводе следует рассматривать в контексте широкого социального кризиса, переживаемого Россией на рубеже XIX–XX вв.: «Кризис семьи давал людям сознание личной причастности к развитию революции;

всеобщий кризис, спровоцированный социальными переменами и политическими потрясениями, дал себя знать и у семейного очага, мощно повлияв на отношение населения к господствующим институтам. Кризис семьи, – рассуждает ученый, – следовательно, стал еще одним компонентом революционного процесса, превратив даже набожных и богобоязненных в недовольных» (С. 181). Проблема расторжения браков в рецензируемом издании рассматривается в нескольких очерках.

Пятая статья рецензируемого издания – «Губительное благочестие: религия и политический кризис в предреволюционной России», впервые опубликованная в 1996 г., – едва ли не самая важная в книге. Отмечая, что к началу XX в. «православие даже укрепило свои позиции столпа политической легитимности», что произошло «не благодаря религиозному подъему, а вследствие распада светских основ самодержавия», исследователь акцентирует внимание на том, что к этому времени «самодержавие стало ассоциировать не с процветанием, а со скудостью», – в немалой степени это связано и с фигурой венценосца: Г. Фриз убежден в отсутствии у Николая II «личной харизмы», на фундаменте которой в известной степени и покоился институт монархической власти в России (С. 184–185). Спихавшись, власть попыталась ресакрализировать религиозные основы самодержавия – едва ли не самым драматическим проявлением этой попытки «стала канонизация новых святых: за предшествующие двести лет к лику святых было причислено всего четыре человека, за последние двадцать лет царского режима – шесть, при этом на момент падения империи в 1917 г. еще многие “кандидатуры” находились на всевозможных подготовительных стадиях. В идеале, – указывает Г. Фриз, – канонизации должны были обновить духовную ауру и политическую легитимность самодержавия, тем самым заставив недовольное население смириться с неудачами во внутренней и внешней политике» (С. 185). Подобного рода «государственные канонизации» (инициатива канонизации Серафима Саровского исходила не от Церкви, а от царской фамилии: Николай II искренне надеялся, что канонизация завершится духовным слиянием «царя и народа» (С. 194), случалось, вызывали недовольство в среде духовенства; не дремала и пресса, начавшая обсуждать вопрос о тленности или нетленности святых мощей. В действительности же личное участие царя в канонизации и вспоминаемое им впоследствии с ностальгией чувство единения со своим народом, пережитое им в день восславления Серафима в Сарове, никак не исправило суровую реальность: «Даже священный обряд канонизации не сумел стереть социальных различий и достичь желанного “духовного единения” царя и народа. Несмотря на всю официальную пропаганду этого “единения”, от внимательных глаз, – пишет Г. Фриз, – не укрылась непреодолимая стена, отделявшая правящих от подданных...» (С. 203). Спорной в глазах и верующих, и части духовенства выглядела и канонизация патриарха Гермогена в 1913 г. Пытаясь укрепить свою легитимность, «царский режим с новой силой напирал на народное благочестие, од-

нако, вопреки его намерениям, результаты оказались губительными», – подводит итоги кампании по канонизации Г. Фриз (С. 229); из словосочетания «губительное благочестие» появилось название рецензируемой книги.

Глубокому анализу Г. Фриз подвергнул взаимоотношения последнего русского царя и Церкви. Общеизвестно, что Николай II был глубоко религиозным человеком, искренне убежденным в том, что «сердце Царево в руках Божьих». При этом, как отметили его биографы Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, «упование на Бога сочеталось у Николая II с наивной верой в то, что простой народ бесконечно предан своему царю» [13. С. 10–11]. Согласно наблюдению Г. Фриза, Николай II, формально оставаясь добрым и благочестивым сыном Церкви, был далек от традиционного институционального православия, избегая по возможности участия в официальных церковных церемониях, которым «предпочитал более интимную обстановку своей часовни, – не только из-за особой привилегированности частных богослужений, но и потому, что тем самым он мог дистанцироваться от бюрократической литургии в главных соборах. По мере того как приближалась мировая война, Николай все чаще манкировал публичными богослужениями и поэтому еще сильнее ослаблял свою идентификацию с Церковью» (С. 219).

По утверждению Г. Фриза, «именно кризис в отношениях между православием и самодержавием стал контекстом для печально известного феномена Распутина» (С. 219), который следует понимать именно в рамках его культурного значения в глазах Романовых: царская семья верила, что именно «старец» воплощал в себе – в отличие от официальной Церкви – «харизматичный, народный вариант православия. Каково бы ни было его влияние на государственную политику, он играл важнейшую роль в духовной жизни царской семьи» (С. 221). Известна и поистине роковая роль, которую Григорий Ефимович сыграл в судьбе Николая II: фигура Распутина была одним из факторов, активно способствовавших падению авторитета императорской власти, в течение многих лет он дискредитировал саму идею монархии, а его непосредственная близость к царской семье, учитывая сложившийся в обществе отталкивающее-скандальный образ загадочного «старца», позорила венценосца [14. С. 143]. По красноречивому утверждению С.Л. Фирсова, «имя Распутина стало нарицательным, превратившись в символ кризиса, охватившего империю. Чем дальше, тем больше “старец” воспринимался как подлинный хозяин страны» [15. С. 483]. В глазах Церкви сам факт близости Распутина к царской чете свидетельствовал о наличии между Николаем II и официальной Церковью острейших разногласий. Понятна в этой связи и категорическая позиция высокопоставленного духовенства по отношению к Г.Е. Распутину, видевшего в нем «злобного врага и ни в коем случае – надежного союзника» (С. 222). «Последние годы существования царского режима были отмечены глубоким кризисом не только в государстве и обществе, но также и в Церкви... Противоречия между Церковью и государством, вполне отчетливо проявившиеся еще до рево-

люции 1905 г, превратились при думской монархии в открытый и яростный конфликт», – констатирует Г. Фриз (С. 217).

Чрезвычайный интерес вызывает шестая статья книги, впервые опубликованная в 2012 г., – «Динамика духовной жизни в период русской революции: вера или безбожие?», посвященная рассмотрению вопроса о «секуляризации» в рамках упадка благочестия и уменьшения влияния Церкви в последнее царствование. На взгляд автора этих строк, следует согласиться с ключевым тезисом этой статьи: «религия была мощным подспудным фактором в революционном процессе, который привел к событиям 1917 г.» (С. 234); добавим также, что не меньшую роль *религиозный фактор* играл и в событиях революций 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны [16], чему в прежние годы в исторической литературе явно не уделялось достаточного внимания [17]. В этой статье Г. Фриз вновь повторяет мысль о нарастающем кризисе в отношениях между государством и Церковью в последнее десятилетие царской власти, а также о неудаче предпринятой монархией попытке ресакрализации власти, буквально обреченной на неудачу ввиду несоответствия Николая II «образу величественного московского царя». По остроумному выражению исследователя, «Николай скорее способствовал десакрализации, чем ресакрализации самодержавия». К 1917 г., отмечает Г. Фриз, «союз трона и алтаря» распался необратимо (С. 254).

Предпоследняя статья сборника посвящена епархиальным съездам 1905–1917 гг., деятельность которых историк правомерно рассматривает как важный фактор церковной политики. По его мнению, в 1917 г. съезд стал «форумом, на котором приходское духовенство (а впоследствии и миряне) могло объединять свои силы, формулировать требования и заставлять Церковь их выполнять» (С. 268). Отметим, что работа епархиальных съездов практически не освещалась в историографии; исключением являются лишь недавние работы Ю.А. Бирюковой, избравшей предметом своего научного анализа съезды духовенства и мирян на Юге России в 1917 г. [18, 19]. Однако нелишним будет указать, что именно Г. Фриз стал пионером в данной проблематике, справедливо усмотрев в деятельности этих съездов, начатой еще в период Первой российской революции 1905–1917 гг., важное и прогрессивное значение и своего рода «генеральную репетицию» перед Церковной революцией (воспользуемся этим определением событий 1917 г. в истории Российской Православной Церкви, вынесенным в заголовок одной из книг П.Г. Рогозного) [20].

Вопреки мнению, сложившемуся в советской историографии, Г. Фриз утверждает, что «Синод и большинство епископов приветствовали Февральскую революцию, положившую конец правлению династии Романовых, – хотя бы даже потому, что она положила конец государственному надзору, равно как и позорной “распутинщине” (С. 283–284). Как указывает Г. Фриз, одним из проявлений 1917 года в жизни Церкви была так называемая «дераспутинизация» – т.е. изгнание иерархов, которые были как-то связаны

с еще вчера всесильным Г.Е. Распутиным. Подвергая анализу резолюции съездов духовенства и мирян, проходивших в 1917 г., Г. Фриз правомерно полагает, что их можно отнести к проявлениям так называемой «церковной революции». При этом, согласно позиции ученого, летом 1917 г. ускорилась революция в приходе: отныне, после усиления власти прихода, священники стали «полностью уязвимыми и зависимыми» (С. 310). К Октябрю, в «вакууме государственной и церковной власти, все полномочия перешли к приходу, он взял на себя полный контроль над финансами и духовенством». «Лозунг “Вся власть приходам” претворялся в жизнь; Церковь становилась церковью; знаменитый Декрет от 23 января 1918 г. лишь узаконил то, что уже на деле произошло», – подчеркивает Г. Фриз (С. 314–315). На взгляд автора этих строк, на рубеже 1917–1918 гг. произошла своего рода «обер-офицерская революция» в Церкви, выразившаяся в частичном переходе власти от архиереев, князей церкви, – к приходскому духовенству, рядовым священнослужителям.

Последняя статья сборника – «Русское православие и кризис семейных отношений: развод в годы революции и войны, 1917–1921 гг.» вновь затрагивает вопросы брака и развода, рассматриваемые в одной из предыдущих статей книги. Приход к власти большевиков в числе прочего привел к устранению Церкви от участия «в непростой процедуре развода». Согласно утверждению Г. Фриза, «в первые годы советской власти партийная элита стремилась гасить избыточное рвение своих представителей и избегала конфронтации с Церковью». Именно верующие, полагает ученый, заставили Церковь провести кардинальную реформу, упростив процедуру расторжения брака и выведя ее из-под попечения церковников. «Вопрос заключения и расторжения браков, один из основных источников взаимного недовольства между Церковью и верующими, был попросту снят с повестки дня. Как это ни смешно, – пишет Г. Фриз, – но, упростив и ускорив эту

процедуру, большевики, стремившиеся подорвать набожность масс, сами того не ведая, заложили основу для религиозного возрождения 1920-х гг. и вернули Церкви поддержку широких слоев населения» (С. 350).

Каждая из статей, рассматриваемых в книге, имеет важное историографическое значение: по сути, Г. Фриз сумел сформулировать наиболее актуальные проблемы истории Российской Православной Церкви синодального периода в последние десятилетия существования империи. Ученый сумел искусно показать взаимосвязь и *взаимозависимость* общего кризиса, переживаемого императорской Россией, с вопросами, казалось бы, касающимися лишь *внутрицерковной* жизни. Между тем, и это доказательно подтверждается Г. Фризом на основе привлеченного им обширнейшего документального материала, роль и значение Церкви в жизни верующих, ее влияние на рубеже XIX–XX вв. по-прежнему оставалось без всякого преувеличения огромным; как следствие, кризис, переживаемый Церковью и ее опорной структурой – духовенством, снижение авторитета высшей власти и ее носителя в глазах как ряда представителей высшего архиерейского сословия, так и рядовых священнослужителей, опрометчивые, а зачастую и просто ошибочные действия последнего императора, затрагивавшие положение господствующей конфессии Империи (еще в мае 1905 г. близкий к двору генерал А.А. Киреев, анализируя причины провала политики самодержавия, писал: «...царь просто действовал неразумно... он именно своими ошибками довел Россию до беды – ошибками политики, внутренней и внешней. Вот корень зла, нечего сваливать беду на какое-то богословие. Ведь и самое несомненное отчуждение от Бога произошло от дурной, глупой политики церковной» [21. С. 55]), – все это привело к тому, что православное духовенство встретило Февраль 1917 г. и падение царской власти в лучшем случае равнодушно-созерцательно, а порой и с совершенно определенным воодушевлением и оптимизмом [22. С. 242]. Об этом – книга Г. Фриза.

Список источников

1. Фриз Г. Американско-советские обмены в области науки и культуры: влияние на историческую науку // Крымская А.С. Становление и развитие института американских стажеров в Санкт-Петербурге: к 55-летию Соглашения об обменах между СССР и США в области культуры, техники и образования. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2014. С. 241–246.
2. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2006. 408 с.
3. Перейра Н.Г.О. Впечатления и замечания западного русиста: автобиографический очерк // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 219–239.
4. Рогозный П. Грегори Фриз – американский историк русского православия // «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сб. ст. / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. С. 8–16.
5. Freeze G.L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1977. xvi, 325 p.
6. Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. New Jersey: Princeton University Press, 1983. xxxii, 507 p.
7. Миронов Б.Н. Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 153–158.
8. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен: (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Культур. центр «Духов. 6-ка», 2002. 623 с.
9. Выходчиков Л.В. Николай II: Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. 524, [2] с. (Жизнь замечательных людей).
10. Фирсов С.Л. «Якорь спасения». Православная церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории. СПб.: Изд-во С.-Петерб. духовной акад., 2021. 463 с.
11. Полунов А.Ю. Победоносцев: русский Торквемада. М.: Молодая гвардия, 2017. 332, [3] с. (Жизнь замечательных людей).
12. Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. 524, [2] с. (Жизнь замечательных людей).
13. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб.: Культ.-просветит. о-во «Пушкин. Фонд», 1994. С. 5–20.
14. Коцюбинский Д.А. Первые публикации о Г.Е. Распутине в российской прессе (конец 1909 – начало 1910 г.) // Российская история. 2018. № 4. С. 143–151.
15. Фирсов С.Л. «Русский старец с посохом в руке», или Слово о «святном Григории» // Терещук А. Григорий Распутин: Последний «старец» Империи. СПб., 2006. С. 480–498.
16. Фирсов С.Л. «Время войне и время миру»: Православная Российская церковь и Гражданская война в России: очерки истории и историографии. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2018. 168 с.

17. Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от Гражданской истории...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64.
18. Бирюкова Ю.А. Проблема формирования новой модели государственно-церковных отношений после Февральской революции в решениях Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 1917 г. // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1 (97). С. 64–70.
19. Бирюкова Ю.А. Проблема баланса либерального и консервативного начал на съездах духовенства и мирян Юга России в 1917 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 17–25.
20. Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года: высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб.: Лики России, 2008. 224 с.
21. Киреев А.А. Дневниковая запись от 24 мая 1905 г. // Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / сост. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 55.
22. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян в 1917 г. / публ. М.В. Каиля // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255.

References

1. Freeze, G. (2014) Amerikano-sovetskie obmeny v oblasti nauki i kul'tury: vliyaniye na istoricheskuyu nauku [American-Soviet exchanges in the field of science and culture: Influence on history]. In: Krymskaya, A.S. *Stanovleniye i razvitiye instituta amerikanskikh stazherov v Sankt-Peterburge: k 55-letiyu Soglasheniya ob obmenakh mezhdru SSSR i SShA v oblasti kul'tury, tekhniki i obrazovaniya* [Formation and development of the institute of American interns in St. Petersburg: to the 55th anniversary of the Agreement on exchanges between the USSR and the USA in the field of culture, technology and education]. St. Petersburg: SPbSUCA. pp. 241–246.
2. Ganelin, R.Sh. (2006) *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdru soboy: stranitsy vospominaniy o 1940-kh – 1970-kh godakh* [Soviet historians: what they talked about among themselves: pages of memories of the 1940s – 1970s]. 2nd ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Pereira, N.G.O. (2013) *Vpechatleniya i zamechaniya zapadnogo rusista: avtobiograficheskiy ocherk* [Impressions and remarks of a Western Russianist: an autobiographical essay]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 3. pp. 219–239.
4. Rogoznyy, P. (2019) Gregory Friz – amerikanskiy istorik russkogo pravoslaviya [Gregory Freeze – American historian of Russian Orthodoxy]. In: Rogoznyy, P. (ed.) *“Gubitel'noye blagochestie”: Rossiyskaya tserkov' i padeniye imperii* [“Destructive Piety”: The Russian Church and the Fall of the Empire]. Translated from English by A. Glebovskaya, M. Dolbilova. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. pp. 8–16.
5. Freeze, G.L. (1977) *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
6. Freeze, G.L. (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. New Jersey: Princeton University Press.
7. Mironov, B.N. (1987) Amerikanskiy istorik o russkom dukhovnom soslovii [American historian about the Russian clergy]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 153–158.
8. Firsov, S.L. (2002) *Russkaya Tserkov' nakanune peremen: (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [The Russian Church on the eve of change: (late 1890s – 1918)]. Moscow: Kul'tur. tsentr “Dukhov. b-ka”.
9. Vyskochkov, L.V. (2018) *Nikolay I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroy chetverti XIX veka* [Nicholas I and his era. Essays on the history of Russia in the second quarter of the 19th century]. Moscow: Akad. Proekt.
10. Firsov, S.L. (2021) *“Yakor” spaseniya. Pravoslavnaya tserkov' i Rossiyskoe gosudarstvo v epokhu imperatora Nikolaya I. Ocherki istorii* [“The Anchor of Salvation.” The Orthodox Church and the Russian state in the era of Emperor Nicholas I. Essays on history]. St. Petersburg: Orthodox Theological Academy.
11. Polunov, A.Yu. (2017) *Pobedonostsev: russkiy Torkvemada* [Pobedonostsev: The Russian Torquemada]. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Firsov, S.L. (2010) *Nikolay II: Plennik samodержaviya* [Nicholas II: A prisoner of the autocracy]. Moscow: Molodaya gvardiya.
13. Ananich, B.V. & Ganelin, R.Sh. (1994) *Ot sostaviteley* [From the compilers]. In: Nicholas II. *Nikolay II: Vospominaniya. Dnevnik* [Nicholas II: Memoirs. Diaries]. St. Petersburg: The Pushkin Foundation. pp. 5–20.
14. Kotsyubinskiy, D.A. (2018) *Pervye publikatsii o G.E. Rasputine v rossiyskoy presse (konets 1909 – nachalo 1910 g.)* [The first publications about G.E. Rasputin in the Russian press (the late 1909 – early 1910)]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 143–151.
15. Firsov, S.L. (2006) “Russkiy starets s posokhom v ruke”, ili Slovo o “svyatom Grigorii” [“Russian starets with a staff in his hand”, or the Word about “Saint Gregory”]. In: Tereshchuk, A. *Grigoriy Rasputin: Posledniy “starets” Imperii* [Grigoriy Rasputin: The last “starets” of the Empire]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 480–498.
16. Firsov, S.L. (2018) *“Vremya voyne i vremya miru”: Pravoslavnaya Rossiyskaya tserkov' i Grazhdanskaya voyna v Rossii: ocherki istorii i istoriografii* [“A Time for War and a Time for Peace”: The Orthodox Russian Church and the Civil War in Russia: Essays on History and Historiography]. St. Petersburg: The Herzen State Pedagogical University of Russia.
17. Smirnov, N.N. (2022) “Nel'zya otdelyat' tserkov' ot Grazhdanskoy istorii...” [“You can't separate the church from the Civil History...”]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 7(2). pp. 57–64.
18. Biryukova, Yu.A. (2019) Problema formirovaniya novoy modeli gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy posle Fevral'skoy revolyutsii v resheniyakh Don'skogo chrezvychaynogo s'ezda dukhovenstva i miryan 1917 g. [The problem of the formation of a new model of state-church relations after the February Revolution in the decisions of the Don Extraordinary Congress of the Clergy and Laity in 1917]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1(97). pp. 64–70.
19. Biryukova, Yu.A. (2021) Problema balansa liberal'nogo i konservativnogo nachal na s'ezdakh dukhovenstva i miryan Yuga Rossii v 1917 g. [The problem of the balance of liberal and conservative principles at the congresses of the clergy and laity of the South of Russia in 1917]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 6(4). pp. 17–25.
20. Rogoznyy, P.G. (2008) *Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda: vysshee dukhovenstvo Rossiyskoy Tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiyakh posle Fevral'skoy revolyutsii* [The Church Revolution of 1917: The Higher Clergy of the Russian Church in the Struggle for Power in the Dioceses after the February Revolution]. St. Petersburg: Liki Rossii.
21. Kireev, A.A. (2010) *Dnevnik. 1905–1910* [Diary. 1905–1910]. Moscow: ROSSPEN. p. 55.
22. Kail, M.V. (2013) *Tserkov' v revolyutsii: organizatsiya i rabota Vserossiyskogo s'ezda dukhovenstva i miryan v 1917 g.* [The Church in the Revolution: The organization and work of the All-Russian Congress of the Clergy and Laity in 1917]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 1. pp. 241–255.

Сведения об авторе:

Пученков Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.puchenkov@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Puchenkov Aleksandr S. – Doctor of Historical Sciences, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); E-mail: a.puchenkov@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 01.09.2022; accepted for publication 11.11.2022